

Черопита Т. Н.,

аспірант Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

ПРИЗНАНИЕ И ФОРМЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Анотація. У статті розглянута категорія «визнання» з позиції соціальної філософії, а також як універсальна психологічна потреба. Виявлено основні форми «визнання» в сучасному політичному просторі. Автором проаналізовано взаємозв'язок основних форм «визнання» з політичними режимами.

Ключові слова: визнання, потреба, політичний режим, демократія, політичний простір.

Актуальность исследования. Окончание «холодной войны» в конце двадцать первого века породило иллюзию того, что человечество в современном глобальном мире придет к гармонии благодаря всеобщей ориентации на демократическое устройство общества. Утопичность подобного рода воззрений обнаружилась уже в начале века двадцать первого, когда мировое сообщество столкнулось с многочисленными этническими конфликтами, нарушениями закона и порядка международными организациями, возникновением новых принципов альянса и конфликта между государствами, возрождение неокommунистических и неофашистских движений, интенсификации религиозного фундаментализма и т.д. В социально-философских и политологических исследованиях все чаще стали появляются утверждения, что парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы быть полезным ориентиром в современном глобальном мире.

Обращение к проблеме «борьбы за признание» дает нам возможность заглянуть внутрь международной политики и осмыслить ее с позиции социальной философии. Нам важно показать, что то, что искал на протяжении всей истории человек, то, двигало ранее шагами истории и двигает сегодня — это признание.

Разработанность проблемы. К понятию «признания» или его аналогу, «борьбе за признание», отечественные ученые в рамках социально-философского и политологического знания обращаются достаточно редко. Современные исследователи, такие как М. Гефтер, Т. Вайзер, П. Сани в своих статьях об этике и ценностях современной демократии обращаются к понятию «признание» только в контексте его отождествления с понятием «достоинство». А вот философы с давних времён

осмыслили такой психологический феномен как «жажда признания», однако не могли сформулировать адекватного слова для его обозначения: Платон в свое время говорил о «тимосе» или «духовности», Макиавелли — о стремлении человека к славе, Гоббс — о гордости и тщеславии.

Концепцию, лежащую в основе «признания», впервые сформулировал Гегель. В ней акцентируется внимание на важности понимания «борьбы за признание» как двигателя истории. Опираясь на эту концепцию, американский ученый Френсис Фукуяма в своей работе «Конец истории и последний человек» смог по-новому взглянуть на многие явления современного мира, включая настоящее и будущее современной демократии. К анализу некоторых положений этого труда мы обратимся и в нашей статье.

Изложение основного материала. Рассуждая о признании, американский психолог А. Маслоу вполне справедливо рассматривал его как универсальную психологическую потребность. Он утверждал, что признание есть суть: «Наиболее устойчивая и, следовательно, наиболее здоровая самооценка, которая основывается на заслуженном уважении со стороны других...» [3, с. 72]. Понятие «признание» и его роль в социальной практике пытались осмыслить и ученые, ведущие исследования в рамках социальной философии. Они также обращались к потребности человека придавать ценность вещам - в первую очередь себе, а также другим людям, замечая, что это та сторона личности, которая является основным источником таких эмоций, как гордость, гнев, страх, стыд.

Но именно философы констатировали, что «жажда признания», есть наиболее политическая часть человеческой личности, поскольку именно она заставляет людей стремиться к самоутверждению над другими. Неудивительно, что многие из них главную проблему политики стали усматривать в укрощении или покорении жажды признания. Учитывая то, что потребность признания носит универсальный характер, они стали задумываться над тем, как ее укротить, чтобы она служила политическому сообществу в целом.

Американский ученый Ф. Фукуяма, пытается осознать связь между признанием как

универсальной психологической потребностью и его социальном смысловым наполнением, как жажды признания, обращается к понятию «тимос». Как известно, его вводит в философскую традицию Платон в своей работе «Государство» как нечто, связанное с ценностью, которую человек определяет для самого себя, тем, что можно назвать «самооценкой». Осмысляя это платоновское понимание тимоса, ученый пишет: «Тимос — это что-то вроде врожденного чувства справедливости у человека: люди верят, что чего-то стоят, и когда другие ведут себя по отношению к ним так, будто они стоят меньше — то есть когда не признают их правильную ценность, — они впадают в гнев. Такая связь между самооценкой и гневом заметна в английском слове «indignation» (негодование). «Dignity» (достоинства) характеризует чувство самооценки личности, «in-dignation» возникает, когда кто-то оскорбляет это чувство самооценки. И, наоборот, когда другие замечают, что мы не живём согласно с нашей самооценкой, мы ощущаем стыд, а когда нас оценивают справедливо (то есть пропорционально нашей истинной ценности), мы чувствуем гордость» [5, с. 259].

Анализ понятия тимос позволяет выделить в нем две стороны и, с помощью этого, раскрыть внутренние, побудительные причины действий как отдельного человека, так человеческих сообществ: этносов, наций, государств. Одну из этих сторон можно характеризовать как изотимию, другую — как мегалотию.

Под изотимией подразумевается желание каждого человека быть равным другим. И хотя для описания своих личных целей он не пользуется словами «признание» и «тимос», но всегда использует такие слова, как «достоинство», «уважение», «самоуважение» и «самооценка». Эти нематериальные факторы входят в расчеты каждого разумного человека и характерны для политического сознания любого сообщества. Но для человека, живущего в демократическом обществе, характерна всепоглощающая изотимия. Потребность в ней неизбежна при любом понимании демократических преобразований, которые совершились во всем мире в конце прошлого века и продолжаются в веке двадцать первом.

Однако человек может быть охвачен желанием быть не просто равным другим, но быть признанным лучше других. Это и есть мегалотимия. На личностном уровне мегалотимия является необходимым условием для создания чего бы то ни было, что в жизни чего-то стоит, великой литературы и поэзии, музыки, философских систем и т. п. И это может происходить как на основании действительно его внутренней ценности человека, исключительности индивидуальных

способностей и талантов. Но нет гарантий того, что представления человека о самом себе останутся в рамках «моральной» нормы, и не будут даваться на основании завышенной, тщеславной самооценки. То есть тимос, возникший как скромный вид самоуважения, может проявить себя и как желание доминировать и стать, тем самым, источником серьезных человеческих конфликтов. Именно в этой, оборонной стороне жажды признания, многие философы усматривают и «скрытую причину» возникновения социального неравенства в обществе. Именно эта сторона «жажды признания» на уровне нации и государства достаточно часто была причиной и социальных революций, и межгосударственных войн.

Представители западной философской и политологической мысли нередко высказывают предположение, что современная либеральная демократия заменит «иррациональное» желание быть выше других «рациональным» желанием быть признанным равным другим. Ценность демократии как формы государственного устройства очевидна: она признает равенства граждан перед законом, способствует вовлечению в общественно-политическую жизнь значительную часть населения, содействует стабилизации, создает условия для непрерывного развития личности, роста общественного сознания.

Но идеализировать демократию, видеть в ней абсолютно совершенную форму власти не следует. Стоит прислушаться к изречению, приписываемому У. Черчиллю: демократия — это самый худший вид правления, не считая остальных. Это следует понимать так, что никакая разновидность демократического устройства общества не лишена пороков. И не случайно итальянский мыслитель Дж. Вико сравнил «путь к демократии» с «острием лезвия», по которому ходит общество. Более, он считал, что переход к демократии знаменует начало нисхождения культуры. В связи с этим он писал: «Век заката оказывается наиболее благоприятным для удобной жизни отдельного человека. Оставшееся без попечения целое гибнет. Это сопровождается утверждением рассудочности, развитием философии и прозы» [1, с. 165].

Надо иметь в виду и то, что прямая демократия, позволяющая непосредственно учесть волю большинства, возможна лишь в небольших коллективах. В большом сообществе может существовать лишь представительная демократия, в которой от имени народа выступают выбранные им представители. Народ практически всегда в большей или меньшей мере отчужден от власти. Поэтому даже самая экономически успешная на сегодняшний день западная либеральная демократия, опирающаяся на либеральную экономику,

является, по-сути, элитарной демократией. Ведь в ней власть, формирующаяся на основе выборов и допускающая гражданские свободы, тем не менее фактически возвышается над обществом и оказывается неподконтрольной ему.

Общеизвестно, что в рамках формальной законности политическая организация общества может быть различной. Исторически сосуществовали две политические модели государственного устройства: демократическая и тоталитарная. Противопоставляя тоталитаризм двадцатого столетия демократии, в социально-философской и политологической литературе его характеризуют как модель государственной организации, которой присуще: господство единой официальной идеологии, охватывающей все сферы жизни; монополизация власти правящей партии и ее лидера; первенство политики над экономикой и развитие последней в милитаристском направлении. Но главное, это: ограничение прав и свобод личности, цензура и жесткий контроль над печатью, тотальный контроль поведения и мышления граждан и наказание за инакомыслие.

Однако следует вспомнить, что М. Вебер называл такие теоретические конструкции «идеальными типами» и отмечал, что в «чистом виде» они не существуют. То есть и демократия, и тоталитаризм реализуются не полностью, поскольку сохраняют в себе черты какие-то остатки традиций и нравов, характерных для существовавших в прошлом иных условий политической жизни.

И в самом деле, социально-философское исследование, проведенное Х. Аренд, подтвердило, что даже в фашистской Германии или сталинском советском государстве, которые считаются наиболее полными воплощениями тоталитаризма, семья, религия, наука и искусство в значительной мере оставались неподвластными режиму очагами сопротивления, которое он не мог подавить. При этом многие исследователи тоталитаризма пытаются поставить знак равенства между этими государствами, равно как и другими, которые эти режимы пережили. На наш взгляд, такой подход является неправомерным. И доказать это можно, сравнив то, как реализовалось «признание» как универсальная потребность человека в этих государствах.

Следует обратить внимание на то, что все тоталитарные государства двадцатого столетия декларировали свои политические режимы как демократию. При этом Германия до появления нацистского режима уже имела более столетний опыт демократических преобразований. Однако события, следующие после первой мировой войны, распад империи, активизировали у немцев представления об унижении чувства собствен-

ного достоинства не только на индивидуальном уровне, но и на уровне всей нации. Не только в Германии, но других странах мира, где сформировался национализм после итогов первой мировой войны, возникла ситуация классической мегалотимии. Нации стали объединяться и демонстрировать готовность к смертельному риску не просто ради признания, но ради поиска своего «места под солнцем» как высших по отношению к другим. Апелляция к простейшим архетипам, где «другой» рассматривался как «чужой», по отношению к которому все позволено, привела беспрецедентному уничтожению миллионов людей по этническим и национальным признакам. Доказательством тому, что идея права «расы господ», например, немцев, управлять всеми прочими, в международном масштабе ведет в тупик, стали итоги второй мировой войны.

Приход в 1917 году большевиков к власти сопровождался становлением на территории бывшей Российской империи тоталитарного режима. Как и любой тоталитарный режим, он базировался на жесткой управляемости сверху и опорой на массовую, аффектированную поддержку снизу. Что касается управляемости сверху, то она вполне укладывалась в авторитарные традиции русского народа, которые существовали задолго до большевизма. А вот коммунистическая идеология, которая обещала всеобщее равенство провозглашала интернационализм, была пронизана безудержной апологетикой «простого человека», вдохновляла народные массы и вызывала чувство изотимии. Она нашла отклик и поддержку среди разных слоев народа, вызывала у него трудовой энтузиазм и готовность участвовать в борьбе с «классовыми врагами», то есть с «чужими». О неизбежности насилия как «повивальной бабки истории» писал и идеолог коммунизма К. Маркс, поэтому политические кампании сталинской эпохи против «инакомыслящих» всех направлений рассматривалась народными массами как совершенно оправданная со стороны социалистического государства охрана от многочисленных врагов. Изотемическими настроениями можно объяснить и единение многонационального советского народа, который шёл насмерть в борьбе с фашизмом, защищая свою «социальную справедливость».

Однако латентные проблемы советского государства стали вскрываться в послевоенный период, когда обнаружилась не только экономическая, но идеологическая несостоятельность коммунизма. Мало того, что простой человек вынужден был постоянно испытывать унижение в процессе «оставания» необходимых вещей потребительской культуры, он вынужден был также идти на сделку со своей совестью. И простому рабочему, и

образованному интеллигенту, потерявшим веру в марксистско-ленинскую идеологию, невозможно было стать преуспевающим, не погрузившись достаточно полно в обман государственной системы. А если человек был честен и высоко ценил свое достоинство, у него была только одна альтернатива: аскетическая жизнь в тюрьме, психушка или изгнание. Поэтому жажда признания сыграла ключевую роль в революционной ситуации, сложившейся в Советском Союзе в 1991 году, когда народ выступил против действий «путчистов», подтвердив свое право на участие в политических событиях и приверженности к демократическим идеалам.

Крах социалистической системы ознаменовался тем, что и страны Восточной Европы, и бывшие республики Советского Союза, получившие национальную независимость, провозгласили себя приверженцами демократии, образцом которой для них стал Запад. Привлекательность Западного мира в этих странах во многом определялась его экономической эффективностью. Но практика показала, что те страны, которые проходят экономическую модернизацию, проявляют тенденцию к наименьшей политической стабильности, поскольку сам экономический рост порождает новые ожидания требований. Люди сравнивают свое положение не с таковыми же в традиционных обществах, но с положением жителей богатых стран, в результате чего впадают в гнев. Повсюду ощущаемая «революция растущих желаний» - феномен столь же тимотический, сколь и вызываемый желаниями. Поэтому стремление к национальной независимости и суверенитету повсеместно стало проявлением не только желания самоопределения и свободы, но и «жажды признания», признания своей значимости и исключительности.

Этот процесс стал сопровождается поиском национальной идентичности, которая была растворена в условиях коммунистической идеологии, декларирующей интернационализм. Американский ученый С.Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» справедливо отмечает, что для людей, которые ищут свои корни, важны враги. Основная идея его труда заключается как раз в том, чтобы показать, что в «...мире после холодной войны культура и различные виды идентификации... определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [4, с. 15].

И в самом деле, во многих странах Восточной Европы поиск идентификации вырастает до уровня конфликтов националистического толка. Националистическим государством, как известно, считается такое государство, в котором полнота гражданских свобод предоставляется только определенной нации или этнической группе. Это государства, в которых этническая или националь-

ная принадлежность становится исключительной основой для обладания законными правами. Важно понимать, что возникшие после распада Советского Союза независимые государства, могут стать демократическими, как они того желают, только в том случае, если будут гарантировать права и свободы всех своих граждан, которые остаются в стране, включая такие основополагающие права, как право на свободу слова и печати, на получение образования на родном языке и др. Национализм во многом есть проявление жажды признания, принимающий форму мегалотимии. Нередко он носит характер иррационального признания, так как многие действия политического характера, которые осуществляют правительства этих государств, наносит ущерб экономическим интересам страны.

Большинство этих государств позиционируют себя как государства демократические только потому, что проводят выборы. Но демократическое государство не может возникнуть в результате введения только выборной системы. Оно не может выжить без определенной степени «иррациональной любви» страны к себе. Оно не может выжить и без инстинктивной приверженности к таким подлинно демократическим ценностям, как толерантность.

Согласно определению, данному в «Декларации принципов толерантности», это понятие означает «...уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это свобода в многообразии. Это не только моральный долг, но и политические и правовые потребности. Толерантность — это добродетель, которая делает возможность достижения мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [2].

Можно согласиться с тем, что толерантность является «лакмусовой бумажкой» демократии. Но события последних десятилетий подвергают серьезному испытанию эту добродетель, привитую людям западной демократии в течении долгого исторического времени. Вступив в эпоху глобализации, страны западной демократии стали демонстрировать свое экономическое и политическое превосходство и навязывать демократические идеалы государствам, которые выбрали иной путь развития. А это значит, что демократические страны в условиях глобализации стали демонстрировать тенденцию к мегалотимии. Попытка западных стран установить демократию на Востоке привела к тому, что, в результате этого, страны исламского мира погрязли в хаосе и в войне. А весь мир повсеместно столкнулся с таким яв-

лением как терроризм, источником которого, по большей части, стал исламский фундаментализм. Беженцы из исламского мира заполнили страны Западной Европы в поисках и убежища, и экономических благ, которые могут быть предоставлены только самыми развитыми странами Западной Европы. И эти страны предоставляют беженцам такую возможность исходя из принципа толерантности. А сами живут в страхе перед новыми террористическими актами. И они обязательно будут. Потому, что далеко не все беженцы, которым чужда толерантность в силу их убеждений, чувствуют в этих демократических государствах себя равными с другими, даже если, как показывает опыт, они получают гражданство. Для них европейцы остаются «чужими», поэтому для них терроризм — это вполне приемлемое средство для признания того, что их идеология лучше европейской. Это мегалотимия современного исламского мира, который заполняет мир европейский. Поэтому, адекватно современной ситуации, западным странам необходимо выработать у членов демократического общества, помимо толерантности, такое качество, как резистентность, то есть способности к устойчивости и умеренной сопротивляемости по отношению к «другим».

Таким образом, разрушение биполярности привело современный мир к серьёзным вызовам. Один из них представляет особую опасность для всего мира. Так, декларируя победу демократии в противостоянии с тоталитаризмом, страны Евросоюза столкнулись с тем, что среди «равных» есть кто-то «ровнее». Сегодня всем становится ясно, что современная Америка демонстрирует своё право на лидерство в мировом масштабе, а западная Европа вынуждена с этим мириться. Но не факт, что с таким положением вещей смирился всё мировое сообщество. Можно утверждать, сегодня мир сталкивается с проблемой избытка мегалотимии в Соединённых Штатах Америки. Но самое важное то, что эта страна, безусловно передовая и могущественная, не сможет защитить себя от другой цивилизации, зараженной мегалотимией высокой степени, граждане которой будут готовы расстаться с уютом и безопасностью и не побоятся рискнуть жизнью ради господства.

Выводы. Исходя из того, что «признание» есть универсальная потребность не только отдельного человека, и любого сообщества, включая национального, можно сделать вывод о том, что в современном мировом политическом пространстве вряд ли может установиться равновесие и гармония. Причиной этому является то, что стремление к признанию может проявляться в двух формах: как изотимии, то есть признавать себя равным другим, так и мегалотимии, то есть утверждать себя лучше других.

Поэтому крах тоталитарного режима в конце двадцатого столетия, оплотом которого являлся Советский Союз, вовсе не означал, как предполагалось, полную победу демократии, в основе которой лежит идея равенства. Уже в двадцать первом столетии о себе вновь заявляют некоммунистические, неонацистские режимы, поднимает голову исламский фундаментализм. Анализ «признания» позволил нам установить сходство между ними, которое заключается в том, что все они движимы чувством мегалотимии. Более того, и некоторым современным демократическим государствам это чувство тоже не является чуждым.

А это значит, что основным вызовом нашей эпохи может стать желание государств, обладающим современным истребительным оружием, вступить в кровавую битву за престиж. И только осмысленное понимание этой проблемы всего мирового сообщества может привести к «рациональному» способу ее решения.

Литература:

1. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. — М. : «Рефл-бук», 1994. — 628 с.
2. Декларация принципов толерантности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml
3. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с англ. Т. Ю. Гутман. — СПб : Питер, 2012. — 352 с.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Ю. Новиковой. — М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ : Ермак, 2005. 588 с.

Cheropita T. M. Recognition and forms of its manifestation in the contemporary political space — Article.

Summary. The article considers the category of «recognition» from the standpoint of social philosophy, and also as a universal psychological need. The main forms of «recognition» in the modern political space are revealed. The author analyzes the relationship between the main forms of «recognition» and political regimes.

Keywords: recognition, need, political regime, democracy, political space

Черопита Т.М. Признание и формы его проявления в современном политическом пространстве — Статья.

Аннотация. В статье рассмотрена категория «признания» с позиции социальной философии, а также как универсальная психологическая потребность. Автором выявлены основные формы «признания» в современном политическом пространстве, и проанализирована взаимосвязь с политическими режимами.

Ключевые слова: признание, потребности, политический режим, демократия, политическое пространство.